

живемъ его наслѣдіемъ. За нимъ слѣдуетъ періодъ дробленія: Европа отдѣляется отъ «Азіи», въ самой Азіи выпадаетъ «центръ», остаются однѣ «окраины», духовная жизнь замираетъ и скудѣетъ. — Новѣйшія судьбы Россіи, начиная съ 16 вѣка, можно разсматривать, какъ грандіозную попытку возстановленія центра и тѣмъ самымъ возсозданія «Евразіи». Отъ исхода этой попытки, еще не опредѣлившася и нынѣ болѣе темнаго, чѣмъ, когда либо, зависитъ будущее.

П. М. Бицилли

СТЕПЬ И ОСЪДЛОСТЬ

Положеніе Россіи въ окружающемъ ее мірѣ можно разсматривать съ разныхъ точекъ зрѣнія. Можно опредѣлять ея мѣсто въ ряду «отдѣльныхъ исторій» западной половины Стараго Свѣта, въ которой расположены историческіе очаги ея культуры. Можно исходить изъ воспріятія Стараго Свѣта, какъ нѣкоего цѣлостнаго единства. На этихъ страницахъ мы хотимъ привести нѣкоторыя замѣчанія — историческія и хозяйственно-географическія, — предполагающія разсмотрѣніе историческихъ судебъ и географической природы Стараго Свѣта именно какъ цѣлостнаго единства.¹⁾ — Въ порядкѣ такого воспріятія устанавливается противоположеніе «окраинно-приморскихъ» областей Стараго Свѣта, — восточныхъ (Китай!), южныхъ (Индіа и Ирань!) и западныхъ («Средиземье» и Западная Европа!), съ одной стороны — и «центрального» міра, съ другой, міра, наполненнаго «эластической массой» кочующихъ степняковъ, «турокъ» или «монголовъ». Противоположеніе это поясняетъ механику исторіи Стараго

¹⁾ См. предшествующую статью П. М. Бицилли: „Востокъ“ и „Западъ“ въ исторіи стараго свѣта.

Свѣта въ послѣднія тысячелѣтія, — помогаетъ постичь соотношеніе между врастающимъ въ опредѣленную территорію творчествомъ «окраинно-приморскихъ» сферъ и — передаточной въ своемъ значеніи, усваивающей результатъ этого творчества и въ движеніи кочевій и завоеваній сообщающей его другимъ, столь же территоріально «неподвижнымъ» мірамъ, — «степною» культурой...

Прежде всего укажемъ слѣдующее: безъ «татарщины» не было бы Россіи. Нѣтъ ничего болѣе шаблоннаго и въ то же время неправильнаго, чѣмъ превозношеніе культурнаго развитія до-татарской «Кіевской» Руси, яко-бы уничтоженнаго и оборваннаго татарскимъ нашествіемъ. Мы отнюдь не хотимъ отрицать опредѣленныхъ — и большихъ — культурныхъ достиженій древней Руси XI и XII вѣка; но историческая оцѣнка этихъ достиженій есть оцѣнка превратная, поскольку не отмѣченъ процессъ политическаго и культурнаго измельчанія, совершенно явственно происходившій въ до-татарской Руси отъ первой половины XI къ первой половинѣ XIII вѣка. Это измельчаніе выразилось въ смѣнѣ хотя бы относительнаго политическаго единства первой половины XI вѣка удѣльнымъ хаосомъ послѣдующихъ годовъ; оно сказалось въ упадкѣ матеріальныхъ возможностей, напр., въ сферѣ художественной. Въ области архитектуры упадокъ этотъ выражается въ томъ, что во всѣхъ важнѣйшихъ центрахъ эпохи храмами, наиболѣе крупными по размѣрамъ, наиболѣе богатыми въ отдѣлкѣ, неизмѣнно являются наиранне-пост-

роенные: позднѣйшіе кіевскіе блѣднѣютъ передъ Св. Софіей, позднѣйшіе черниговскіе — передъ Св. Спасомъ, позднѣйшіе новгородскіе — передъ Св. Софіей Новгородской, позднѣйшіе владимиро-суздальскіе — передъ Успенскимъ соборомъ. Странное «обратное развитіе» художественно-матеріальныхъ возможностей: наикрупнѣйшее достиженіе — въ началѣ, «сморщиваніе», суженіе масштабовъ — въ ходѣ дальнѣйшей эволюціи: поразительный контрастъ происходившему въ тотъ же періодъ развитію романской и готической архитектуры Запада!..

Если Св. Софія Кіевская первой половины XI вѣка по размѣру и отдѣлкѣ достойно противостоитъ современнымъ ей романскимъ храмамъ Запада — что значитъ передъ Парижской Notre Dame, законченной въ 1215 году, ея русскіе современники, вродѣ церкви Св. Георгія въ Юрьевѣ Польскомъ или Новгородскаго Спаса Нередицы?... Мы не будемъ касаться эстетическихъ достоинствъ однихъ и другихъ храмовъ; въ отношеніи къ размѣрамъ матеріальнымъ, Русь начала XIII в. являетъ картину ничтожества: въ сравненіи съ западомъ — различіе масштабовъ, десятикратное, стократное; подлинная «отсталость», возникающая не вслѣдствіе, но до татарскаго ига!..

Ту безпомощность, съ которой Русь предалась татарамъ, — было бы нелогично разсматривать, какъ «роковую случайность»; въ бытіи до-татарской Руси былъ элементъ неустойчивости, склонность къ деградациі, которая ни къ чему иному, какъ чужеземному игу — привести не могла.

Эта черта, общая цѣлому ряду народовъ; средневѣ-
ковая и новѣйшая исторія отдѣльныхъ славян-
скихъ племенъ построена, какъ по одному шаблону:
нѣкоторый начальный расцвѣтъ, а затѣмъ, вмѣсто
укрѣпленія расцвѣта,—разложеніе, упадокъ, «иго»...
Такова исторія ослабяившихся болгарь, сер-
бовъ, поляковъ. Такова же судьба до-татарской
Руси. Велико счастье Руси, что въ моментъ,
когда въ силу внутренняго разложенія, она
должна была пасть, она досталась татарамъ,
и не кому другому. Татары — «нейтральная»,
культурная среда, принимавшая «всяческихъ
боговъ» и терпѣвшая «любые культы», пала
на Русь, какъ наказаніе Божіе, но не замутила
чистоты національнаго творчества. Если бы Русь
досталась туркамъ, заразившимся «иранскимъ фа-
натизмомъ и экзальтаціей», — ея испытаніе было
бы многожды труднѣе, и доля — горше. Если бы
ее взялъ Западъ, онъ вынулъ бы изъ нея душу...
Татары не измѣнили духовнаго существа Россіи; но
въ отличительномъ для нихъ въ эту эпоху качествѣ
создателей государствъ, милитарно-организующейся
силы, они несомнѣнно повліяли на Русь.

Дѣйствіемъ ли примѣра, привитіемъ ли крови
правлящимъ, они дали Россіи свойство организовы-
ваться военно, создавать государственно-принуди-
тельный центръ, достигать устойчивости;
они дали ей качество — становиться могу-
щественной «ордой».

Быть можетъ не только это. Не одну жесто-
кость и жадность нужно было имѣть, чтобъ изъ
внѣшней Монголіи пройти до Кіева, Офена, Ангоры,

и Ангора. Для того, чтобы это сдѣлать, нужно
было ощущать по особому ступи, горы, оазисы и
лѣса, чуютъ дерзанье безмѣрное... Скажемъ прямо:
на пространствѣ всемірной исторіи западно-
европейскому ощущенію моря, какъ
равноправное хотя и полярное, противостоитъ един-
ственно монгольское ощущеніе конти-
нента: между тѣмъ, въ русскихъ «землепроход-
цахъ», въ размахѣ русскихъ завоеваній и освоеній
— тотъ же духъ, то же ощущеніе конти-
нента. Но монголы, въ собственномъ
смыслѣ, не были «колонизаторами», а русскіе яв-
ляются ими: доказательство, въ ряду многихъ, что
всецѣло къ «монгольству» никакъ не свести Россіи...
Да и само татарское иго, способствовавшее государ-
ственной организаціи Россіи, прививавшее или рас-
крывавшее дремавшіе дотолѣ навыки, было въ то же
время горниломъ, въ которомъ ковалось русское
духовное своеобразіе. Стержень послѣдняго —
русское благочестіе. И вотъ, благочестіе
это, — такое, какъ оно есть, и такое, какимъ оно пи-
талось и питаетъ русскую духовную жизнь, — созда-
лось именно во времена «татарщины». Въ до-татар-
ской Руси — отдѣльныя черты, намеки; въ Руси
«татарской» — полнота мистическаго углубленія и
постиженія и ея лучшее созданіе — русская ре-
лигіозная живопись: весь расцвѣтъ послѣдней цѣ-
дикомъ умѣщается въ рамки «татарскаго ига!..» Въ
этомъ разительномъ противоположеніи: — своею
ролью наказанія Божія татары очистили и освятили
Русь, своимъ примѣромъ привили ей навыкъ мо-
гущества — въ этомъ противоположеніи явленъ

двойственный ликъ Россіи. Россія — наслѣдница Бѣликихъ Хановъ, продолжательница дѣла Чингиза и Тимура, объединительница Азіи; Россія — часть особаго «окраинно-приморскаго» міра, носительница углубленной культурной традиціи... Въ ней сочетаются одновременно: историческая «осѣдлая» и «степная» стихія...

II

Въ эпоху до-татарскую русское населеніе, повидимому, не уходило глубоко въ степь; но занимало значительную часть «лѣсо-степи» — приднѣпровской, придеснянской и пр. При татарскомъ владычествѣ русская народность «отсидивалась» въ лѣсахъ. Важнѣйшимъ историческимъ фактомъ послѣ татарской эпохи стало распространеніе русской народности на степь, политическое и этнографическое освоеніе степи. Къ началу XX вѣка процессъ этотъ завершился заселеніемъ черноморскихъ и азовскихъ, а также части каспійскихъ и среднеазіатскихъ «степныхъ» пространствъ. Сочетая въ своемъ бытіи несомнѣнныя черты «степного» («азиатскаго» *rag excellence*) уклада со столь же опредѣленнымъ приближеніемъ къ характеру культуръ западнаго «окраинно-приморскаго» міра, — Россія такую, какъ она есть сейчасъ, является, въ смыслѣ территориальномъ, комбинаціей областей, воспроизводящихъ географическую природу нѣкоторыхъ западно-европейскихъ районовъ съ просторомъ странъ, по характеру, существенно «внѣ-евро-

пейскихъ». Лѣсная и часть лѣсо-степной полосы — земля кривичей, древлянъ, полянъ, сѣверянъ и пр. — есть нѣсколько видоизмѣненное подобіе европейскихъ странъ, вродѣ Германіи, къ востоку отъ Эльбы, — съ тѣмъ же, въ общемъ, количествомъ осадковъ, тѣми же почвами и нѣкоторой разницей въ климатѣ, — не вызывающей, однако, различій въ произростаніи... Наболѣе же сѣверная часть русскаго заселенія, — губ. Олонецкая и западная половина Архангельской — есть какъ бы часть Скандинавіи, воспроизводящая всѣ основныя черты въ природѣ послѣдней, но нѣсколько «обездоленная» въ климатѣ... Своеобразіе русскаго отношенія къ степи заключается въ томъ, что русская этнографическая стихія превращаетъ это, отъ вѣка отданное кочевому быту пространство — въ земледѣльческую область... Оцѣнивая характеръ этого процесса, нужно съ возможной полнотою уяснить себѣ тѣ хозяйственно-географическія условія, въ которыхъ находится земледѣліе колонизируемой степи... Въ Сѣверной Америкѣ, особенно въ восточной ея половинѣ, сельскіе хозяева Европы обрѣтаютъ болѣе или менѣе точное воспроизведеніе знакомой имъ климатически-почвенной обстановки; — и безъ затрудненія они практикуютъ здѣсь выработанные въ Европѣ приемы «интенсификаціи» хозяйства: посѣвъ въ корнеплодовъ и кормовыхъ травъ.*) Широкою доступностью страны именно такому посѣву мы возьмемъ въ качествѣ *principium*

*) Какъ извѣстно, картофель привезенъ въ Европу изъ Америки. Но именно въ Европѣ воздѣлываніе его развилось до значенія важнѣйшей сельскохозяйственной культуры.

individuationis географической «европейско-сти» страны (подразумѣваемъ: доступность — при отсутствіи искусственнаго орошенія, ибо существованіе послѣдняго есть признакъ особый и не характерный для «Европы!»). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ точки зрѣнія доступности посѣву корнеплодовъ и кормовыхъ травъ вся лѣсная и значительная часть лѣсо-степной полосы «до-уральской» Россіи опредѣлится какъ «европейская»; найдутся «европейскіе» районы и въ «зауральской» Руси... Но окажется-ль «европейской» — российская степь? — И отвлеченно-климатическій и хозяйственно-практическій анализъ равнымъ образомъ обнаруживаютъ существенную неблагоприятность степи — не только киргизской и каспійской, но также азовской и черноморской — для воздѣлыванія корнеплодовъ и кормовыхъ травъ (чрезмѣрная сухость!). — Российская степь, столь благоприятная въ иныхъ частяхъ своихъ для пшеницы, — не есть область ни картофеля, ни клевера. Между тѣмъ, переходъ отъ трехполья къ инымъ системамъ полеводства европейское земледѣліе построило, главнымъ образомъ, на введеніи въ хозяйственный оборотъ названныхъ двухъ растений. Иными словами, съ точки зрѣнія существующей агрономіи, российская степь — на значительномъ пространствѣ — опредѣляется какъ область неизбывнаго трехполья. Этотъ выводъ имѣетъ не только технически-сельскохозяйственное, но и обще-культурное значеніе. Если насельники западной, сѣверо-западной и центральной Россіи могутъ достигъ, въ своемъ земледѣльческомъ быту, какой-угодно степени сельско-хозяй-

ственной «европеизаціи», — на земледѣльческомъ укладѣ южной, юго-восточной и восточной Россіи, и нѣкоторыхъ частей Сибири неустранимо останется печать того, что именуется хозяйственной экстенсивностью. Нѣкоторыя же части российской степи никогда, повидимому, не поддадутся земледѣльческому заселенію; и останутся областями кочевого скотоводства и спеціального коневодства (т. наз. области «абсолютнаго» скотоводства). Опять таки обстоятельство это имѣетъ не только технически-сельско-хозяйственное, но и обще-культурное значеніе... Также сѣверной Америкѣ и Австраліи знакомы полу-пустыня и сухая степь. Но въ сѣверной Америкѣ и Австраліи полу-пустыня и сухая степь являются подлинно «пустыми» — безъ значительнаго историческаго прошлаго, безъ устойчиваго быта насельниковъ. Степь же, въ которую глядитъ Россія, — есть степь историческая; это степь тюрокъ и монголовъ, одна изъ важнѣйшихъ стихій исторіи Стараго Свѣта; это степь, гдѣ въ курганахъ и могильникахъ кроются клады, которые, содержаніемъ своимъ, опредѣляютъ народы, ими обладавшіе, въ качествѣ богатѣйшихъ народовъ древности (т. наз. сибирскія древности, новочеркасскій кладъ и прочая, и прочая...*). Экстенсивность, которая неизбѣжно останется присущей земледѣльческому укладу степи, можно характеризовать не только, какъ таковую; она есть нѣкоторое средство къ сохраненію въ земледѣльческомъ населеніи своеобразнаго «чувства степи». Въ смыслѣ психологиче-

*) См. выпускъ, посвященный древностямъ времени переселенія народовъ, въ изслѣдованіи Н. П. Кондакова о „Русскихъ Древностяхъ“ (изд. гр. И. Толстого, С. Петербургъ).

ством и этническимъ земледѣльцы «стенные» представляютъ собой переходъ отъ тѣхъ экономическихъ «европейцевъ», которыми могутъ стать земледѣльцы русской лѣсной и лѣсо-степной полосы и населеніе промышленное, гдѣ бы оно ни упражняло свои занятія, — къ кочевнику-монголу, киргизу, калмыку, который не исчезнетъ и не можетъ исчезнуть...

Лѣсной и земледѣльческой на зарѣ своего существованія, — народъ російскій за послѣдніе вѣка сталъ также «стеннымъ». Въ этомъ, повторяемъ, одно изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ новѣйшей русской исторіи. Переживъ въ начальные вѣка развитія вліяніе степныхъ народовъ, какъ вліяніе внѣшнее, — нынѣ народъ російскій самъ какъ бы охватываетъ степь. Степное начало, привитое русской стихіи, какъ одно изъ составляющихъ ее началъ, со стороны, — укрѣпляется и углубляется въ своемъ значеніи, становится неотъемлимой ея принадлежностью; и наряду съ «народомъ-земледѣльцемъ», «народомъ-промышленникомъ» — сохраняется или создается — въ предѣлахъ русскаго національнаго цѣлага — «народъ-всадникъ», хотя бы и практикующій трехполье...

III

Въ трехъ раздѣльныхъ сельско-хозяйственныхъ задачахъ сказывается совокупность историко-географической обстановки, опредѣляющей бытіе Россіи:

1. Въ проблемѣ «европеизаціи» сельскаго хозяйства во всѣхъ, доступныхъ европейскимъ мето-

дамъ улучшеннаго земледѣлія областяхъ Россіи; эта основная задача заключаетъ въ себѣ безконечное количество болѣе мелкихъ; она касается не только земледѣлія, но обнимаетъ скотоводство и пр. Наряду съ основною массой «европейскихъ» русскихъ областей, въ качествѣ оазисовъ «европейскихъ» условий, выступаютъ окраинно-европейскія и азиатскія предгорья: напр., южная (предгорная) Кубань, Терская область, Семирѣчье и пр.

2. Въ проблемѣ приспособленія сельско-хозяйственнаго уклада степей къ своеобразнымъ, нигдѣ въ Европѣ — да и не только въ ней! — не находящимъ подобія географическимъ условіямъ послѣднихъ; эта задача опредѣленно и рѣзко распадается на двѣ: преимущественно земледѣльческую и преимущественно скотоводческую. Первая касается тѣхъ частей степи, гдѣ земледѣльческій бытъ установился или его возможно установить; вторая — областей «абсолютнаго» скотоводства. Въ примѣненіи къ областямъ земледѣльческимъ, намѣчается, какъ проблема главенствующая: при сохраненіи трехполья, — усиленіе его въ противоборствованіи засухѣ (болѣе ранняя, многократная пахота и т. д.). Не только доступная земледѣлю части киргизской, но также значительныя пространства черноморской и азовской степи стоятъ, по количеству осадковъ, у предѣла земледѣльческой зоны: въ сѣверной Америкѣ, мѣстности съ количествомъ осадковъ не говоря ужъ Акмолинска (200 м/м въ годъ!), но и Мелитополя — 350! — приближаются по характеру къ пустынѣ (районы западнѣе 105° западной долготы отъ Гринвича); и

это — при сходномъ въ Россіи и Америкѣ, распре-
дѣленіи осадковъ по временамъ года, — ровность
рельефа, дающая возможность лучшаго, чѣмъ въ
Америкѣ (Скалистыя горы!) усвоенія осадковъ, каче-
ства почвы, въ сравненіи-жъ съ южными частями
западныхъ штатовъ, также запасы влаги, собирае-
мые къ началу вегетаціи снѣжнымъ покровомъ —
составляютъ преимущество російскихъ степей; но
чтобы земледѣліе стало крѣпко, — земледѣльческій
быть долженъ творчески приспособиться и дѣли-
комъ использовать эти благоприятныя, но ограни-
ченныя въ благоприятности и весьма своеобразныя
— свойства.

3. Четыре сельско-хозяйственныхъ зоны смѣня-
ють другъ друга на территоріи російскаго міра:
первая — зона «европейскаго» земледѣлія (карто-
фель и клеверъ!); вторая — область земледѣлія
степного (неизбывное трехполье, пшеница!); тре-
тья — зона «абсолютнаго» скотоводства; послѣд-
няя переходитъ въ пустыню, гдѣ уже невозможно
произростаніе пшеницы, ни прокормленіе скота.
И вотъ какъ преодолѣніе пустыни, возникаетъ зона
искусственнаго орошенія...*) Насколько можно су-

*) Можетъ ставится вопросъ о распространеніи искусственнаго
орошенія также въ степной земледѣльческой полосѣ, въ част-
ности, въ низовьяхъ Волги и Днѣпра. Сколь ни важно и плодо-
тельность его не нужно преувеличивать. По условіямъ рельефа
и дебета водъ рѣчь можетъ идти объ орошеніи (главнымъ обра-
зомъ, въ Сѣверной Тавріи, въ Самарской и Астраханской губ.)
никакъ не болѣе милліона десятинъ (нынѣшняя ирригаціонная
площадь русскаго Туркестана около 2 милл. десятинъ). Орошеніе
пространство явилось бы, въ экономическомъ отношеніи, величиною
чрезвычайно дѣнной, но все таки небольшою, въ сопоставленіи
съ десятками милліоновъ десятинъ степной пашни...

дить по сохранившимся остаткамъ, нынѣшняя оро-
сительная система Муганской степи, Астрабадской
и иныхъ провинцій Персіи, Авганскаго и Китай-
скаго, а также, отчасти, и русскаго Туркестана есть
незначительная часть ранѣе — въ историческомъ
прошломъ — существовавшей системы. Предпо-
сылки въ естественныхъ условіяхъ, — т. е. наличіе
пригодныхъ къ использованию водныхъ ресурсовъ
— остались; исчезла человѣческая воля. Если рус-
скому народу окажется непосильнымъ восстано-
вить и расширить оросительную систему перечис-
ленныхъ выше земель — весьма мало вѣроятія,
чтобы проблема эта оказалась посильной и, главное,
достаточно интересной для какого-либо иного на-
рода современности. Россіи же — производимые
въ предѣлахъ «россійскаго міра», а не оплачивае-
мые данью на сторону — хлопокъ, южные фрукты,
рисъ можетъ дать исключительно развитіе назван-
ныхъ странъ; ибо только на линіи послѣднихъ Рос-
сія соприкасается съ субтропической зоной; между
тѣмъ, при существованіи океаническаго хозяйства
каждая страна, расположенная, въ отношеніи моря
благопріятнѣй, чѣмъ расположена Россія, «сопри-
касается» со всякою субтропической, расположенною
у моря страной... Распространеніемъ колонизаціи
на степь Россія пріобщается къ степному міру; въ
задачахъ экономическаго воскрешенія «древней»
Азіи, она прикасается къ міру восточныхъ куль-
турь...

Такъ раскрывается, въ хозяйственныхъ катего-
ріяхъ, образъ Россіи, какъ териториальнаго «цент-

ра» Старого Свѣта, какъ сопряженія экономическихъ «Европы и Азіи», — какъ «Евразіи» не только въ обще-историческомъ и обще-культурномъ, но хозяйственно-географическомъ смыслѣ... Держава Россійская, въ ея современныхъ предѣлахъ, есть — въ обозримой потенціи не просто частица Старого Свѣта, но нѣкоторое уменьшенное воспроизведеніе его совокупности. Если представить вовлеченіе въ русскую сферу Монголіи и Восточнаго Туркестана, — хозяйство руссiйское охватитъ собою совокупность историческаго «стеннаго» міра, всю «центральную» область стараго материка. И съ этимъ міромъ сопрягутся, въ предѣлахъ Россіи, опредѣленные области «окраинно-приморской» западно-европейской, а также «иранской» сферы. Къ этой послѣдней, въ смыслѣ хозяйственно-географическомъ, можно причислить также среднеазиатскіе «Туркестаны»; поскольку они являются областями искусственнаго орошенія и не относятся, слѣдовательно, къ пространствамъ, занятымъ кочующими «турками» и «монголами». Какъ таковыя, какъ области «врастающей въ опредѣленную территорію», «неподвижной», «осѣдлой» культуры, районы эти представляютъ собою какъ бы выдвинутый въ глубины материка эмпоріумъ «окраинно-приморскихъ» міровъ...

Сопряженіе дополняется примыканіемъ руссiйскихъ земель къ сферѣ «средиземноморской». Нынѣ примыканіе это осуществляется въ обладаніи южнымъ крымскимъ и кавказско-черноморскимъ побережіемъ...

Въ сочетаніи «центрального» міра съ опредѣленной частью «окраинъ», Россія — Евразія охватываетъ собою «ядро», «серцевину» Старого Свѣта. Во внѣ остаются «окраины», прижатая, выдвинутая въ море. Тѣмъ самымъ «окраины» эти обращены преимущественно къ соучастію въ хозяйствѣ океаническомъ. Хозяйство-жъ Россіи — Евразіи образуетъ въ перспективѣ развитія, особый внутри-континентный міръ...

Существуетъ опредѣленная связь между заданіями экономическими и заданіями политическими. Первые могутъ быть осуществлены только въ условіяхъ устойчиваго политическаго строя, подъ покровомъ объемлющей рах *rossica*. Въ начертаніи послѣдней пусть не прикрѣпляется нашъ взоръ исключительно и только къ рах *mongolica*. Какъ ни ужасно монгольское владычество въ его возникновеніи и расширеніи, — замиреніемъ, наиболѣе объемлющимъ изъ числа извѣстныхъ въ исторіи была рах *mongolica*; та эпоха, когда «кушцы и францисканскіе монахи» проходили безпрепятственно изъ Европы въ Китай, когда русскіе князья XIII—XIV вѣка безъ затрудненій (хотя и безъ удовольствія!) путешествовали, съ поклономъ Ордѣ, въ страны, куда въ XIX вѣкѣ съ величайшимъ трудомъ проникали Пржевальскій, Грумъ-Гржимайло, Потанинъ...

Предъ лицомъ жестокой голодной смерти, грозящей нынѣ миллионамъ руссiйскихъ людей, предъ лицомъ долга, который накладываетъ на cadaго эта

страшная смертная угроза, — сужденія объ экономическомъ составѣ и экономической природѣ Россіи могутъ показаться — видѣніемъ. — Да, этотъ долгъ существуетъ, напряженный и явственный. Да, въ обстановкѣ происходящаго, эти сужденія — подлинное видѣнье. Но есть видѣнья, въ которыхъ — высшая реальность, и какъ разъ такимъ видѣніемъ почитаемъ мы хозяйственный образъ Россіи.

Не заботой хозяйственной и не одной «интенсификаціей» спасется, если спасется, Россія. Черезъ духовное просвѣтленіе и черезъ духовное горѣніе пролегаютъ пророческіе пути. Но поднимаюсь къ Духу — было-бъ грѣшно и безумно презирать Богомъ данную плоть...

Въ напряженіи Духа, въ преодоленіи, устраниеніи бѣдствія — родная страна — какъ женщина, готовая зачать и понести. Приникнувъ, свято любите родную земную плоть. Изумрудъ луговъ на побережьѣ Волхова! Желто-ярая, вся въ колосьяхъ, степь! Въ таинственныхъ даляхъ — горные великаны заповѣдныхъ глубинъ материка — подняшіе къ небу свѣжныя короны, струящіе къ подошвѣ — водный потокъ... Водный потокъ раздѣлите на арыки; и пусть благословеніемъ Божиимъ цвѣтетъ Божій садъ, — тамъ, гдѣ онъ цвѣлъ когда-то, и гдѣ сейчасъ его нѣтъ. Плугомъ поднимите степи, дотолѣ не знавшія плуга. И пусть, въ неслыханной шири, шумятъ и влекутъ, колыхаясь, ржанья и пшеничныя моря...

Петръ Савицкій

ОГЛАВЛЕНІЕ

	стр.
Два міра. <i>Петра Савицкаго</i>	9
Реформа, реформація и исполненіе Церкви. <i>А. Карташева</i> съ предисловіемъ <i>П. Савицкаго</i>	27
Вѣчный устоя. <i>П. Сувчинскаго</i>	99
Знаменіе былого (О Лѣсковѣ). <i>П. Сувчинскаго</i>	134
Типы творчества (Памяти А. Блока). <i>П. Сувчинскаго</i>	147
Религій Индіи и христіанство. <i>Кн. Н. С. Трубецкою</i>	177
О патриотизмѣ праведномъ и грѣховномъ. <i>Георгія В. Флоровскаго</i>	230
„Русская проблема“. <i>Кн. Н. С. Трубецкою</i>	294
„Востокъ“ и „Западъ“ въ исторіи Старога Свѣта. <i>П. М. Буцилли</i>	317
Степь и осѣдлость. <i>Петра Савицкаго</i>	341

Всѣ права сохранены за авторами
Copyright by authors 1922